

КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ ГОДУНОВ

аспирант Отдела истории революций и общественного движения России, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
kgodunov@eu.spb.ru

ВАЛЕНТИНА ВЛАДИМИРОВНА ВОЛОХОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
vavolokhova@yandex.ru

ЛОКАЛЬНЫЙ КУЛЬТ РЕВОЛЮЦИОННОГО ГЕРОЯ: ПАМЯТЬ О ТЕРРОРИСТЕ А. М. КУЗЬМИНЕ В ПЕТРОЗАВОДСКЕ*

Впервые рассматривается процесс формирования образа Александра Михайловича Кузьмина, на определенном этапе ставшего олицетворением революционного движения в Карелии. В центре внимания авторов оказались особенности трансформации образа революционного героя под воздействием различных политико-культурных процессов. Показано, что память о Кузьмине стала ресурсом, открытым для использования различными акторами, в процесс конструирования образов террориста были вовлечены разнородные силы: активисты левых партий, семья революционера, рабочие Александровского завода, видные деятели культуры. История образа Кузьмина говорит о важной особенности и революционной, и советской политической культуры: обращение к длительной истории борьбы за свободу, напоминание о жертвах, которые были принесены, должны были подчеркнуть справедливость и неизбежность революции, укрепить авторитет ее «вождей». Дискуссии обувековечении памяти Кузьмина способствовали формированию и закреплению специфической политической культуры, для которой были характерны стремление к сакрализации революции, культ жертвенности ради общего дела, вера в быстрые изменения, которые повернут ход не только российской, но и мировой истории.

Ключевые слова: политическая культура, А. М. Кузьмин, Первая русская революция, Революция 1917 года, культ «борцов за свободу», памятники Петрозаводска

ВВЕДЕНИЕ

Одна из важных новаций современного гуманитарного знания – расширительное толкование «сферы политического», предполагающее интерес не только к истории государственных структур, но и к социокультурным особенностям господства и подчинения. Одним из базовых понятий, используемых сторонниками обновленной политической истории, является понятие «политическая культура». Не существует единого определения этого сложного явления. Выстраивая полемику с подходами социальной истории в марксистском духе, с «традиционной» политической историей, исследовательница Французской революции Линн Хант рассматривает политическую культуру как «ценности, ожидания и неявные правила, отражавшие и формировавшие коллективные намерения и действия» [10: 10]. Это определение представляется гибким и способствующим развитию новых подходов к изучению революции 1917 года: новый политический язык, новые ритуалы, новые символы были важнейшей частью колossalных изменений, происходящих в стране после революции. Работающие в данном направлении ученые показали, что без изучения

трансформации политических ценностей, норм, явных и неявных «правил игры» понимание глубинных процессов революционной эпохи будет затруднено. Б. И. Колоницкий, изучавший особенности политической культуры Российской революции [6], показал, что в 1917 году история революционного движения (прежде всего – образы участников Первой русской революции) легла в основу коммеморативного проекта, стала «стержнем политики памяти новой России» [6: 121]. В связи с этим исследователям политической культуры не обойтись без анализа этого явления. При этом, как показывают современные исследователи «эпохи войн и революций», ситуация на местах была настолько мозаичной и сложной, что без изучения региональных аспектов революции, Гражданской войны и дальнейшего укрепления государства невозможно судить «о происхождении и дальнейшей эволюции советской системы» [11: 784]. В связи с этим вопрос о том, как формировался и развивался культ «борцов за свободу» на локальном уровне, представляет особый интерес.

В центре внимания авторов данной статьи – вопрос о том, как в Петрозаводске формировался

образ Александра Михайловича Кузьмина, на определенном этапе ставшего олицетворением революционного движения в Карелии. Какие силы стремились увековечить память о Кузьмине? Каковы были их мотивы? Как трансформировался образ революционного героя под воздействием различных политico-культурных процессов? Ответы на эти вопросы должны помочь выяснить некоторые важные особенности политической культуры России революционного и постреволюционного периодов.

1908 ГОД: «РАБОЧИЕ АЛЕКСАНДРОВСКОГО ЗАВОДА ОТНОСЯТСЯ СОВЕРШЕННО РАВНОДУШНО К ПАМЯТИ ЕГО...», НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА КУЗЬМИНА

Александр Михайлович Кузьмин родился в 1888 году в Петрозаводске в семье рабочего Александровского завода и сам начал трудовую деятельность на этом заводе. В период Первой русской революции он участвовал в нелегальных собраниях, митингах и демонстрациях. 23 июня 1908 года Кузьмин совершил покушение на жизнь старшего следователя Санкт-Петербургской судебной палаты Н. С. Крашенинникова, который во время пребывания в Петрозаводске выносил обвинительные приговоры рабочим активистам. Кузьмин ранил следователя кинжалом и вечером того же дня был арестован. Свою вину революционер не отрицал, утверждая, что не планировал убийство Крашенинникова, «думая лишь ранить и этим выразить протест против представителя юстиции»¹.

31 июля 1908 года военно-окружной суд вынес девятнадцатилетнему террористу смертный приговор, и 29 августа Кузьмин был повешен во дворе петрозаводской тюрьмы. На казнь заключенные-социалисты отреагировали в соответствии с установками субкультуры революционного под-

полья: ими была объявлена голодовка, протестующие пели революционный похоронный марш².

Власти сделали все возможное, чтобы известие о казни не проникло в город (в тюрьме даже на несколько дней отменили свидания), родители Кузьмина не были извещены о месте его погребения. А когда было решено в ответ на просьбу отца указать родителям место захоронения сына, их предупредили, что никаких манифестаций на могиле происходить не должно. Однако вскоре товарищу окружного прокурора М. И. Жаба стало известно, что «могилу Кузьмина украшают красными цветами, и на ней ставится виселица»³. Среди рабочих Александровского завода ходила брошюра, посвященная Кузьмину, заканчивавшаяся словами «Хвала тебе, борец за свободу»⁴. Тем не менее уже с середины сентября 1908 года ни о каких акциях, связанных с именем Кузьмина, в источниках не упоминается. Олонецкий губернатор Н. В. Протасьев в рапорте директору департамента полиции так подводил итог первому этапу формирования памяти о Кузьмине:

До сих пор никто, кроме родных, могилу Александра Кузьмина не посещал и рабочие Александровского завода относятся совершенно равнодушно к памяти его, но распоряжение об указании могилы казненного, по моему мнению, являлось во всяком случае нежелательным, так как нельзя поручиться, чтобы когда-нибудь при каких-либо антиправительственных движениях не могло осуществиться демонстративное посещение могилы⁵.

Как мы увидим, это опасение сбудется десятилетие спустя.

1917 ГОД: «СДЕЛАТЬ ПРАХУ КУЗЬМИНА ДОСТОЙНЫЕ ГРАЖДАНСКИЕ ПОХОРОНЫ». ПАМЯТНИК БОРЦУ ЗА СВОБОДУ

Первая заметка о Кузьмине в губернской периодической печати появилась после революционных событий февраля 1917 года. 21 марта в «Известиях Петрозаводского комитета общественной безопасности» эсер И. П. Морозов (под псевдонимом «товарищ Степанов»⁶) опубликовал статью «Памяти товарища Кузьмина». Начиналась статья с восторженного описания происходивших в стране преобразований («перед нами мелькнула заря ярким светом новой жизни»), а Кузьмин представлял одним из тех, кто, несмотря на гибель, приблизил «светлый праздник воскресения попранных прав человека, праздник свободы и братства»⁷. Уже это первое упоминание о Кузьмине говорит о том, что формирование памяти о революционере было частью важнейшего политico-культурного процесса первых месяцев после Февраля – эйфоричного, праздничного, «пасхального» переживания революции, воспринимаемой в качестве сакрального события. Вспоминая о предшественнике этих перемен, автор утверждал, что суд над Кузьмином оказал на горожан сильное эмоциональное воздействие:

Фотопортрет А. М. Кузьмина. Национальный музей Республики Карелия. КГМ-2750

Каждый его шаг, каждое движение и мужественный вид гипнотизировал толпу, покорял ее, вызывал отвращение к судьям. Город переживал какое-то смятение⁸.

На первом организационном собрании эсеров, состоявшемся в Петрозаводске 31 марта, собравшиеся, «отдавая дань уважения и восхищения бывшему своему товарищу по партии Кузьмину, павшему смертью славных в борьбе за свободу своего народа», приняли решение:

почтить его память деятельным участием в манифестации 4-го апреля с возложением венка на могилу погибшего борца и содействовать сбору [средств] на памятник ему⁹.

Таким образом, несмотря на то что в ходе следствия Кузьмин заявил о своей принадлежности к анархистам¹⁰, в 1917 году петрозаводские социалисты-революционеры вспоминали о революционере как о своем однопартийце. Важно отметить, что в условиях узости круга социалистов в Петрозаводске в годы Первой русской революции и размытости границ между партийными организациями точно установить партийную принадлежность Кузьмина практически невозможно, однако в 1917 году он будет устойчиво ассоциироваться с партией эсеров.

Первые после февральского этапа революции праздники отразили две эмоции: радость избавления от монархии и благодарность мученикам революции [12: 80–81]. Эта благодарность выражалась в ходе торжественных погребальных церемоний. В Петрозаводске траурная манифестация прошла 4 апреля. Она, с одной стороны, подчеркивала значимость культа «борцов за свободу», а с другой – позволяла вписать события в Олонецкой губернии в общероссийский контекст и представить местных социалистов как участников общероссийского революционного процесса. Кузьмин стал центральной фигурой траурной церемонии. У его могилы были произнесены речи, прозвучали «Вечная память» и «Похоронный марш», депутация оставила на могиле венок. После этого манифестанты направились к тюрьме, «за стенами которой еще так недавно возвышалась эмблема самодержавной власти – виселица»¹¹. Так в ходе акции поминовения устанавливался символический контроль представителей победившей революции над бывшим ранее враждебным пространством. Это было важной функцией революционных праздников – они становились временем освоения

территории, которая воспринималась рабочими как место нахождения «социального противника», которое необходимо завоевать, освоить, сделать своим [3: 53].

Особую эмоциональную атмосферу церемонии придавало то, что на могиле Кузьмина «проливала слезы его старушка мать. И, когда над могилой в первый раз прозвучали слова вечной памяти, убитая тяжелым горем, она лишилась

чувств»¹². В то же время автор заметки, посвященной траурной манифестации, писал:

«Вечная память» и звуки Марсельезы! Святой и великий диссонанс! Гражданская панихида, где «со святыми упокой» звучит не только скорбью о погибшем, но и грозным гневом народа! Где скорбная молитва звучит призывом к борьбе! Где одновременно склоняются знамена с надписью «Вечная память павшим за дело свободы» и с девизом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Молитва об умершем соединяется с боевым призывом! Революционный диссонанс! Последовательный, потому что смерть бойца революции – эмблема борьбы за свободу! Их могилы – маяки на всемирном беспредельном пути к свободе!¹³

Как видим, автор заметки считал нужным подчеркнуть, что в ходе церемонии проявилась не только семейная, индивидуальная память о погибшем. Корреспондент с гордостью писал о соединении элементов христианских ритуалов с революционными церемониями: память о Кузьмине сакрализовалась, а революционная эйфория затмевала скорбь о павшем герое. Подобные описания оказали глубокое воздействие на формирующуюся политическую культуру: исследователи революционной символики полагают, что сакрализация «борцов за свободу» была генетически связана с квазирелигиозным почитанием «вождей» (в частности – с культом В. И. Ленина) [9: 75]. Автор заметки формулировал и желаемый образ будущего: он полагал, что жертвы, принесенные «борцами за свободу», положили начало изменению хода мировой истории, заложили основу порядка, который принесет освобождение не только России, но и всего мира.

Однако столь эмоциональное отношение к памяти о Кузьмине, по-видимому, не было характерно для большинства жителей Петрозаводска. Первое предложение установить ему памятник не имело последствий. Толчком к новому обсуждению послужило письмо «товарища больного солдата»¹⁴, направленное рабочим Александровского завода в мае 1917 года. Автор письма призывал вспомнить о местном герое и

сделать праху Кузьмина достойные гражданские похороны, какими почтена память революционных жертв в Севастополе – мичмана Шмита [так в тексте], в Петрограде – товарищей рабочих¹⁵.

В письме в очередной раз проявилось стремление вписать местную историю в общероссийский революционный контекст, желание показать значимость региональных событий. «Солдат» напоминал рабочим, чтоувековечивание памяти Кузьмина – это их революционный долг, и предлагал похоронить героя «на Заводской площади или в ограде Заводской церкви и на его могиле поставить памятник, отлив его на Александровском заводе»¹⁶.

26 мая 1917 года на общем собрании Комитета рабочих Александровского завода предложение «солдата» было поддержано и принято решение

поручить представителям рабочих в Олонецком губернском Совете рабочих и солдатских депутатов организовать перенесение тела Кузьмина в ограду заводской церкви и решить вопрос о сооружении памятника на его могиле. Собравшиеся решили отчислить по одному рублю с человека на сооружение памятника. Показательно, что в протоколе общего собрания ошибочно был указан год казни Кузьмина – 1906¹⁷. Возможно, это связано с тем, чем память о нем была актуальна именно в контексте событий Первой русской революции, поэтому происходило неосознанное смещение даты. Но в связи с этой ошибкой, которая повторится еще не раз, встает вопрос: насколько крепка была память о революционере в 1917 году?

На протяжении всего лета – начала осени 1917 года инициатива по увековечению памяти Кузьмина исходила от Комитета рабочих Александровского завода. Именно он собирал средства на установку памятника, а почувствовав их недостаток, обратился ко всем «товарищам олончанам» с призывом принять участие в сборе средств на памятник¹⁸. В результате к октябрю 1917 года было собрано уже 1 640 рублей, и Комитет рабочих направил двух своих членов на переговоры с Исполкомом Олонецкого губернского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов по поводу сооружения памятника «павшему Борцу за Свободу тов. Кузьмину»¹⁹. Создать проект будущего памятника Губсовет предложил жившему в Петрограде уроженцу Петрозаводска скульптору Льву Иосифовичу Свирскому. Для воспроизведения внешнего облика революционера ему была направлена фотография Кузьмина²⁰. Таким образом, по замыслу заказчиков, памятник должен был отражать индивидуальные черты героя, иметь портретное сходство и быть легко узнаваем. Выбор в качестве скульптора Л. Свирского, по-видимому, был не случаен. Весной – летом 1906 года он принимал участие в волнениях в Петрозаводске²¹, подозревался жандармами в принадлежности к группе социал-демократов, а осенью 1908 года подвергся обыску по одному делу с А. Копятковичем и В. Куджиевым²². Именно председатель Исполкома Олонецкого губсовета В. М. Куджиев подписал распоряжение о приглашении Свирского в качестве скульптора²³.

События октября 1917 года не сняли вопрос об установке памятника с повестки дня. В провозглашенном 27 октября высшим губернским органом власти Губсовете лидирующие позиции занимали эсеры и меньшевики. Более того, Губсовет не признал власть большевиков и заявил о готовности руководить краем до созыва Учредительного собрания [4: 266]. Возможно, в новой политической ситуации увековечение памяти члена партии эсеров, отдавшего жизнь за свободу, приобретало особую актуальность, так как жертва Кузьмина

становилась еще одним аргументом в борьбе за власть.

1918–1919 ГОДЫ: «ТОВАРИЩ С ВЕНЦОМ РЕВОЛЮЦИОННОГО ГЕРОЯ». ОСПАРИВАЕМАЯ ПАМЯТЬ О КУЗЬМИНЕ

В ночь с 4 на 5 января 1918 года Губсовет принял резолюцию о признании советского правительства и провозглашении в Петрозаводске и Олонецкой губернии советской власти. 5 января был избран состав нового президиума Губисполкома во главе с большевиком В. М. Парфеновым.

Несмотря на изменение расстановки политических сил в Петрозаводске, обсуждение проекта памятника Кузьмину не прекратилось, что отразило особенности политической ситуации в регионе. Союз большевиков и левых эсеров был необычайно важен для сохранения власти Советов в Олонецкой губернии [13: 37–78], компромисс между ними отразился и в сфере политico-культурного творчества. В марте 1918 года были опубликованы воспоминания о Кузьмине И. П. Морозова, вступившего в феврале 1917 года в партию левых эсеров²⁴. Показательно, что Морозов в первых же строках подчеркивал свою партийную связь с Кузьминым, причисляя его к эсерам, и акцентировал внимание на том, что инициатива написания воспоминаний принадлежала рабочим Александровского завода²⁵. В сентябре 1918 года в «Известиях Олонецкого губернского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов» появилась статья, автор которой вновь подчеркнул социальную и партийную принадлежность революционера: «Сын рабочего Александровского завода несмотря на свои юношеские годы тов. Кузьмин много поработал в 1905–1908 гг. в кружках партии с.-ров»²⁶. Однако в опубликованной в том же году брошюре, где были переизданы воспоминания Морозова, социал-демократ А. А. Копяткович акцентировал внимание на связи Кузьмина с РСДРП. Не причисляя его к социал-демократам, он писал о том, что преследование властями членов именно его партии было проявлением той самой несправедливости, против которой выступил Кузьмин. При этом Копяткович подчеркивал, что ему, как социал-демократу, не понять террористический акт Кузьмина, ведь своей революционной работой Кузьмин принес бы больше пользы делу революции. Однако в конце брошюры автор подчеркивал, что подвиг Кузьмина, как и подвиг других бойцов, способствовал свержению самодержавия в России²⁷.

3 июля 1918 года на заседании Олонецкого губернского исполнительного комитета Советов крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов вновь был поднят вопрос об установке памятника. В итоге была избрана комиссия для переговоров со скульптором, в которую вошли социал-демократы В. М. Парфенов, Н. Т. Григорь-

ев и левый эсер И. П. Морозов. Автором проекта по-прежнему оставался Л. И. Свирский. Трудности военного времени, нехватка материальных средств стали главным препятствием на пути создания памятника. В декабре 1918 года Свирский предложил установить вместо металлического памятник из временного материала (гипса, бетона и пр.)²⁸.

Эскиз памятника А. Кузьмину. Автор – Л. Свирский. Обсуждался на заседании Губернского исполнительного комитета Олонецкого Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в феврале 1919 года. НА РК. Р-28. Оп. 1. Д. 7/30. Л. 46

Стремление увековечить в истории города имя Кузьмина выразилось не только в обсуждении вопроса о памятнике. В дни празднования первой годовщины Октября Заднепровская улица, на которой жил Кузьмин, была переименована в его честь²⁹. Так имя революционера было закреплено в городской политической топографии. Однако, в то время как большевики перекодировали политическое пространство Петрозаводска, левые эсеры, описывающие Кузьмина в качестве своего предшественника, попытались использовать память о революционном Октябре против бывших союзников по коалиции. Организаторы праздничных торжеств планировали, что праздничная манифестация станет совместной акцией большевиков, анархистов и левых эсеров, однако последние использовали праздник для выступления с антибольшевистскими лозунгами [2].

Из-за военных действий на территории Карелии обсуждение Губисполкомом нового проекта памятника состоялось лишь в феврале 1919 года. По замыслу Л. Свирского, памятник должен был представлять собой бюст Кузьмина на каменном пьедестале со ступенчатым основанием. На пере-

дней стороне основания предполагалось выгравировать соответствующую надпись; на задней стороне – выдержки из предсмертного письма Кузьмина. Памятник предполагалось отлить из гипса с обработкой его под бронзу³⁰. В данном проекте памятника обращает на себя внимание квазирелигиозная символика: перед бюстом на наклонной плите должна была быть помещена эмблема – терновый венец, перевивающий кинжал. Стоит отметить, что изображение тернового венца активно использовалось после 1905 года. В период Гражданской войны данный символ прочно вошел в геральдику Белого движения, что не мешало широкому его использованию и большевиками. Эмблема меча (кинжала) служила символом власти, а также военной эмблемой [7: 358].

Предложенный Свирским проект был утвержден, а скульптору было решено выделить 50 % запрашиваемой на производство памятника суммы³¹. Однако военные действия в непосредственной близости от Петрозаводска весной 1919 года помешали установке памятника. Кроме того, в условиях Гражданской войны образ террориста Кузьмина не подходил для решения мобилизационных задач. Летом 1919 года в Петрозаводске возникло новое место поминовения революционных героев – Братская могила коммунаров, погибших в боях с врагами советской власти [1], о Кузьмине на 10 лет будет забыто. Единственным обнаруженным за это время упоминанием о Кузьмине стали несколько строк в изданных в 1922 году мемуарах А. Копятковича, в которых он вновь утверждал, что Кузьмин рассказывал ему о «громадном политическом влиянии» на него лесных собраний социал-демократов в 1906 году³².

1929 ГОД: «ПЕРВЫЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР-БОРЕЦ». МЕЖДУ ПАМЯТЬЮ И ЗАБВЕНИЕМ

Несмотря на то что проект памятника в 1919 году не был реализован, спустя 10 лет было решено вернуться к идеи увековечения памяти Кузьмина. В 1929 году состоялось открытие обелиска на могиле революционера. Если в годы революции и Гражданской войны увековечение его памяти обсуждалось на уровне Губисполкома, то в 1929 году памятник сооружался на средства Петрозаводского горсовета Карельским комитетом по охране памятников старины³³, что косвенно свидетельствует о понижении символического статуса революционера. Памятник представлял собой порфировую глыбу, на которой было выбито изображение звезды и закреплена доска с текстом:

Кузьмин Александр Михайлович (1888–1908) активный участник революционного движения в Петрозаводске 1905–1907 гг. По приговору царского суда казнен 11.09.1908 года³⁴.

Показательно, что заслуги Кузьмина обозначались с помощью клише «активный участник революционного движения в Петрозаводске 1905–1907 гг.». Кроме того, обращает на себя внимание сходство данного обелиска с памятниками, установленными в это время на могилах иных участников революции, Гражданской войны, советских государственных деятелей.

На открытие памятника, приуроченное к XII годовщине Октября, на Неглинском кладбище собрались рабочие Онежского (бывшего Александровского) завода, других предприятий, бывшие революционеры-подпольщики Морозов, Аксентьев, Григорьев, Чехонин и др. Присутствовали на церемонии мать и сестра Кузьмина. В газетной статье, посвященной открытию памятника, корреспондент акцентировал внимание на присутствии рабочих и на том, что и сам герой являлся рабочим Онегзавода³⁵. С речью у памятника выступил революционер-подпольщик, рабочий Онегзавода Т. М. Чехонин. Он еще раз подчеркнул пролетарское происхождение героя и то, что его подвиг был ради рабочих. Чехонин закончил свое выступление такими словами: «Кузьмин погиб, как настоящий революционер, с твердой верой в торжество рабочего класса»³⁶.

В церемонии открытия обращает на себя внимание отсутствие представителей городских и республиканских властей. Объяснение данного факта, возможно, нужно искать в особенностях политической ситуации, сложившейся в Петрозаводске к этому времени. Возрастающее влияние «красных финнов» неоднозначно воспринималось русским населением края. «Национальный вопрос» сказался и на политике памяти. Л. Е. Терещенков отмечает, что в это время в изучении истории революционного движения актуализировалась тема Финляндской революции в ущерб революции Октябрьской [8: 24]. В этих условиях обращение к памяти Кузьмина было попыткой привлечь внимание к роли петрозаводского подполья в истории революционного движения в Карелии. Характерно, что корреспондент «Красной Карелии» в репортаже об открытии памятника назвал Кузмина «первым революционером-борцом» Карелии, полностью игнорируя его партийную принадлежность³⁷.

Осень 1929 года – года Великого перелома – поставила точку в прославлении подвига Кузьмина. На излете 1920-х годов воспоминания об эсере-террористе времен Первой русской революции утратили свою актуальность, а в конце 1930-х годов некоторые из тех, кто его прославлял, были причислены к «врагам народа» (в 1937 году за контрреволюционную деятельность был осужден И. П. Морозов, в 1938 году расстрелян Т. М. Чехонин). В очерке 1932 года К. Г. Паустовского «Онежский завод» А. Кузьмин предстал в новом образе. На основании воспоминаний ли-

тейного мастера Онегзавода П. Авдеева литератор так описывал революционера:

…угрюмый и экзальтированный юноша, мечтающий об убийстве императора и испытывающий любовь к церковной службе и пристрастие к «божественной» живописи³⁸.

В 1917–1918 годах, как мы видели, сакральные метафоры и квазирелигиозные символы использовались для прославления Кузьмина, а упоминание о том, что будущий революционер закончил церковно-приходскую школу, носило нейтральный характер³⁹. В 1930-е годы ситуация изменилась: упоминание о тяге революционера к церковным ритуалам использовалось для снижения образа террориста, напоминающего Авдееву «монашка из заштатного монастыря»⁴⁰. Подобные характеристики, впрочем, едва ли оказали серьезное воздействие на эволюцию памяти о Кузьмине: очерк Паустовского, написанный в 1932 году, был опубликован лишь в 1958 году, в последнем volume сочинений писателя.

ВРЕМЯ ЗАБВЕНИЯ

В воспоминаниях 1957 года, отложившихся в фонде ленинградского Истпарта, А. А. Копяткевич утверждал, что своим террористическим актом Кузьмин хотел

отомстить за нас – социал-демократов большевиков, с которыми он встречал[ся] (в 1905–1907 годах) в лесу на собраниях и сходках⁴¹.

Копяткевич вспоминал, что перед смертью Кузьмин «говорил мне, что любил ходить на наши “кружки” и готов был идти вместе с нами»⁴². «Большевизация» Кузьмина, начатая Копяткевичем еще в «эпоху войн и революций», спустя десятилетия достигла высшей точки. Автор воспоминаний выразил надежду, что петрозаводчане вспомнят о Кузьмине в дни приближающегося пятидесятилетнего юбилея его казни. Эта надежда не воплотилась в жизнь: в следующий раз упоминание о Кузьмине в карельской прессе появилось лишь в 1963 году: в журнале «На рубеже» вышла биографическая статья о революционере⁴³. Однако для большинства петрозаводчан Кузьмин оставался забытым героем. В 1972 году жительница города обратилась в редакцию газеты «Ленинская правда» с просьбой рассказать о человеке, которому был установлен памятник на Неглинском кладбище. В опубликованной в ответ на эту просьбу статье Кузьмин представлял революционером, близким к петрозаводским социал-демократам, выступившим в их защиту против несправедливых приговоров царского суда⁴⁴.

В октябре 1974 года по решению исполкома Петрозаводского городского Совета депутатов трудящихся «в целях увековечения памяти ветеранов Коммунистической партии и видных советских работников» с Неглинского кладбища на участок Почетных захоронений Сулажгорс-

кого кладбища среди прочих была перенесена и могила Кузьмина⁴⁵. Однако этот шаг стал скорее очередным актом забвения, так как содержание «революционной деятельности», за которую он был удостоен этой чести, оставалось неизвестным жителям Петрозаводска.

ВЫВОДЫ

История образа Кузьмина говорит о важном элементе и революционной, и советской политической культуры: обращение к длительной истории борьбы за свободу, напоминание о жертвах, которые были принесены, должно было подчеркнуть справедливость и неизбежность революции, укрепить авторитет ее «вождей». Образ юного террориста невозможно было игнорировать: без него участие жителей Олонецкого края в одном из эпохальных для революционной и советской политики памяти событий теряло ореол героизма. В связи с этим не удивительно, что память о Кузьмине стала ресурсом, открытый для использования различными акторами, в процесс конструирования образов террориста

были вовлечены разнородные, далеко не только большевистские силы: активисты левых партий, семья революционера, рабочие Онежского завода, видные деятели культуры. Все они так или иначе способствовали формированию и закреплению специфической политической культуры, для которой было характерно стремление к сакрализации революции, культ жертвенности ради общего дела, вера в быстрые изменения, которые изменят ход не только российской, но и мировой истории. Эта политическая культура сформировалась не только в результате деятельности государственных и партийных структур, но и в результате сложного взаимодействия различных акторов, в спорах, дискуссиях и взаимодействии выработавших нормы политической жизни и представление о реальности, в которой жили люди.

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы благодарят Б. И. Колоницкого за обсуждение ключевых положений статьи, А. И. Бутвило и Е. В. Усачеву за помощь в поиске биографических материалов.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Политизация языка религии и сакрализация языка политики во время Гражданской войны» № 17-81-01042.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. П-14. Оп. 1. Д. 2/35. Л. 311–312.
- ² НА РК. Ф. 31. Оп. 5. Д. 10/150. Л. 19.
- ³ НА РК. Ф. 31. Оп. 5. Д. 10/149. Л. 4.
- ⁴ НА РК. Ф. 324. Оп. 3. Д. 76/1251. Л. 82.
- ⁵ НА РК. Ф. 1. Оп. 46. Д. 36/939. Л. 115–116.
- ⁶ О том, что именно он выступил в качестве автора статьи, Морозов писал позднее: Морозов И. П., Копяткович А. А. Воспоминания о товарище Александре Михайловиче Кузьмине. Петрозаводск, 1918. С. 11.
- ⁷ Товарищ Степанов. Памяти товарища Кузьмина // Известия Петрозаводского комитета общественной безопасности. 1917. 21 марта. С. 1.
- ⁸ Там же.
- ⁹ 1-е организационное собрание С.-Р. в Петрозаводске // Известия Петрозаводского комитета общественной безопасности. 1917. 6 апреля. С. 2.
- ¹⁰ НА РК. Ф. П-14. Д. 2/35. Л. 311–312.
- ¹¹ Местная жизнь. Впечатления // Известия Петрозаводского комитета общественной безопасности. 1917. 5 апреля. С. 1.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Фамилию автора письма установить не удалось. Можно предположить, что им был И. П. Морозов, служивший в армии в годы Первой мировой войны и демобилизованный в 1917 году. НА РК. Ф. Оп. 6. Д. 7284. Л. 1.
- ¹⁵ НА РК. Ф. П-6259. Оп. 1. Д. 1/8. Л. 110.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ НА РК. Ф. П-6259. Оп. 1. Д. 1/8. Л. 119.
- ¹⁸ Там же. Л. 2–3.
- ¹⁹ НА РК. Ф. Р-1541. Оп. 1. Д. 1/9. Л. 84.
- ²⁰ Там же. Л. 82.
- ²¹ Из рапорта полицейского пристава городскому судье о проводах политических ссыльных // Петрозаводск: 300 лет истории: Документы и материалы: В трех книгах. Кн. 3. 1903–2003. Петрозаводск: Карелия, 2003. С. 39.
- ²² Копяткович А. А. Из прошлого Олонецкой организации (1905–1908 гг.) // 1905 год в Карелии. Петрозаводск, 1926. С. 31–32.
- ²³ НА РК. Ф. Р-1541. Оп. 1. Д. 1/9. Л. 82.
- ²⁴ НА РК. Ф. П-3. Оп. 6. Д. 7284. Л. 1.
- ²⁵ Воспоминания о товарище Александре Михайловиче Кузьмине // Известия Олонецкого Губернского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1918. 5 марта (20 февраля). С. 3.
- ²⁶ И. Д. Александр Михайлович Кузьмин // Известия Олонецкого Губернского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1918. 11 сентября (29 авг.). С. 3.
- ²⁷ Морозов И. П., Копяткович А. А. Указ. соч. С. 16–18.
- ²⁸ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 142. Оп. 6. Д. 95. Л. 141.
- ²⁹ Список улиц, площадей, бульваров, мостов Петрозаводска, переименованных ко дню празднования первой годовщины Октябрьской революции. 23 октября 1918 г. // Петрозаводск: 300 лет истории... С. 140.

- ³⁰ НА РК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 7/30. Л. 45.
- ³¹ Там же. Л. 44.
- ³² Копяткевич А. А. Из революционного прошлого в Олонецкой губернии (1905–1908 гг.). Петрозаводск, 1922. С. 5.
- ³³ НА РК. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 16/184. Л. 55.
- ³⁴ На открытии памятника Кузьмину // Красная Карелия. 1929. 10 ноября. С. 2.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Паустовский К. Г. Онежский завод // Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. Пьесы, очерки, статьи. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. С. 246.
- ³⁹ Морозов И. П., Копяткевич А. А. Указ. соч. С. 2.
- ⁴⁰ Паустовский К. Г. Указ соч. С. 246.
- ⁴¹ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 4000. Оп. 12. Д. 793. Л. 19.
- ⁴² Там же. Л. 20.
- ⁴³ Старогин-Фрейндлинг А. По приговору царского суда [К биографии революционера А. М. Кузьмина. 1888–1908] // На рубеже. 1963. № 4. С. 103–109.
- ⁴⁴ Рунов В. Обелиск революционеру // Ленинская правда. 1972. 17 сент. С. 3.
- ⁴⁵ НА РК. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 195/1427. Л. 62.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- В о л о х о в а В. В. История братской могилы коммунистов в контексте политической жизни Петрозаводска в годы Гражданской войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 3 (164). С. 19–26.
- Г о д у н о в К. В. Левые оппоненты большевиков и революционные празднования 1918 г. // Российская история. 2016. № 5. С. 184–195.
- Д у б р о в с к а я Е. Ю. Российская революция 1917 года и Гражданская война в памяти населения Карелии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. 110 с.
- Д у б р о в с к а я Е. Ю., Ко р а б л е в Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны: 1914–1918. СПб.: Нестор-История, 2017. 432 с.
- Ж у р а в л е в В. В. Понятие «политическая культура» в современных исследованиях по истории революции и гражданской войны в России // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 2015. С. 21–26.
- К о л о н и ц к и й Б. И. «Товарищ Керенский»: Антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа». Март – июнь 1917 года. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 520 с.
- К о р н а к о в П. К. Символика и ритуалы революции 1917 г. // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб.: Глагол, 1994. С. 356–365.
- Т е р е ш е н к о в Л. Е. Работа Карельского Истпарты по формированию исторической памяти о революции и Гражданской войне в Карело-Мурманском регионе // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2010. № 7 (212). С. 23–28.
- F i g e s O., K o l o n i t s k i i B. Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917. New Haven; London, Yale University Press, 1999. 212 p.
- H u n t L. Politics, Culture, and Class in the French Revolution. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1984. 251 p.
- N o v i k o v a L. The Russian Revolution from a Provincial Perspective // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2015. Vol. 16. No 4. P. 769–785.
- S t i t e s R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. New York, Oxford, 1989. 344 p.
- W r i g h t A. S. The Establishment of Bolshevik Power on the Russian Periphery: Soviet Karelia, 1918–1919. Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy. Glasgow, 2012. 358 p. Available at: <http://theses.gla.ac.uk/3105> (accessed 08.05.2018).

Godunov K. V., St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

Volokhova V. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

LOCAL CULT OF A REVOLUTIONARY HERO: MEMORY OF TERRORIST A. M. KUZMIN IN PETROZAVODSK*

This article presents the first overview of the history of shaping Alexander Mikhailovich Kuzmin's image in Petrozavodsk. At some stage he became the personification of the revolutionary movement in Karelia. The authors analyze the peculiarities of the revolutionary hero image transformation under the influence of various political and cultural processes. The authors show that the memory of Kuzmin became a resource open for use by various actors, and heterogeneous forces were involved into the process of constructing the terrorist images – i.e. activists of the left parties, the family of the revolutionary, workers of the Aleksandrovsky plant and prominent cultural figures. The history of Kuzmin's image tells about an important element of both revolutionary and Soviet political culture: such reference to the long history of struggle for freedom and a reminder of all the sacrifices was supposed to emphasize the justice and inevitability of the revolution and strengthen the authority of its "leaders". Discussions on memorializing the Alexander Kuzmin contributed to the formation and consolidation of a specific political culture, which was characterized by the desire to sacralize the revolution, by a cult of sacrifice for the sake of the common cause, and by a belief in rapid changes capable of turning the tide of both Russian and world history.

Key words: political culture, Alexander M. Kuzmin, First Russian Revolution, Russian Revolution of 1917, cult of "freedom fighters", monuments of Petrozavodsk

ACKNOWLEDGMENTS

The authors thank Boris I. Kolonitsky for discussing the key theses of the article and Andrey I. Butvilo and Elena V. Usacheva for their help in the search for biographical information.

* This work is financially supported by the Russian Foundation for Basic Research as part of the project No 17-81-01042.

REFERENCES

1. Volokhova V. V. History of the common grave of communists in the context of Petrozavodsk political life during the Russian Civil War. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2017. No 3 (164). P. 19–26. (In Russ.)
2. Godunov K. V. Left opponents to the Bolsheviks and revolutionary festivals of 1918. *Russian history*. 2016. No 5. P. 184–195. (In Russ.)
3. Dubrovskaya E. Yu. Russian Revolution of 1917 and the Civil War in the memory of Karelian population. Petrozavodsk, 2016. 110 p. (In Russ.)
4. Dubrovskaya E. Yu., Korablev N. A. Karelia during the First World War: 1914–1918. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017. 432 p. (In Russ.)
5. Zhuravlev V. V. B. Concept of “political culture” in the modern study of history of the Revolution and the Civil War in Russia. *Power and Society in Siberia in the 20th century*. Novosibirsk, 2015. P. 21–26. (In Russ.)
6. Kolonitskiy B. I. “Comrade Kerensky”: the antimonarchy revolution and the images of the “leader of the people”. March – June 1917. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 520 p. (In Russ.)
7. Kornakov P. K. Symbols and rituals of the 1917 Russian Revolution. *Anatomiya revolyutsii. 1917 god v Rossii: massy, partii, vlast'*. St. Petersburg, Glagol Publ., 1994. P. 356–365. (In Russ.)
8. Treshchenko L. E. The work of the Karelian Commission on the History of the October Revolution (ISTPART) on shaping the historical memory of the Revolution and the Civil War in the Karelian and Murmansk region. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2010. No 7 (212). P. 23–28. (In Russ.)
9. Figes O., Kolonitskiy B. Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917. New Haven, London, Yale University Press, 1999. 212 p.
10. Hunt L. Politics, Culture, and Class in the French Revolution. Berkeley, Los Angeles, University of California Press, 1984. 251 p.
11. Novikova L. The Russian Revolution from a Provincial Perspective. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2015. Vol. 16. No 4. P. 769–785.
12. Stites R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. New York, Oxford, 1989. 344 p.
13. Wright A. S. The Establishment of Bolshevik Power on the Russian Periphery: Soviet Karelia, 1918–1919. Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy. Glasgow, 2012. 358 p. Available at: <http://theses.gla.ac.uk/3105> (accessed 08.05.2018).

Поступила в редакцию 15.05.2018